

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Жены и наложницы

Издательство АСТ
Москва

УДК 929
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н59

Дизайн обложки *Милены Козловой*

Нечаев, Сергей Юрьевич
Н59 Иван Грозный. Жены и наложницы /
Сергей Нечаев. — Москва : Издательство
АСТ, 2026. — 320 с. — (Любовь кумиров).

ISBN 978-5-17-182346-7

Официально считается, что у Ивана Грозного было несколько десятков наложниц и 5 жен. По слухам, Марфа Собакина была отравлена, Василиса Мелентьева — закована заживо, а Мария Долгорукая — утоплена. Причина же смерти Анастасии Романовой до сих пор остается загадкой...

Итак, перед нами — образ безумного тирана и кровавого маньяка. Но не все так просто. Большинство очевидцев утверждали, что Иван IV — великодушный человек с приятной внешностью и чарующим голосом. Доказано, что он был одним из самых эрудированных людей своего времени и обладал феноменальной памятью!

Так кто же он — мудрый правитель и любвеобильный мужчина или тиран и самодур? Кем бы он ни оказался, история его жизни никого не оставит равнодушным.

УДК 929
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-182346-7

© Нечаев С.Ю., 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
2026

Предисловие

Жен у Грозного было юридически пять (Анастасия, Мария Темрюковна, Марфа, Анна Колтовская и Мария Нагая), а фактически — четыре... Мария Нагая выглядит все же незаконной, так что ее потомство не вправе претендовать на престол...

Но тут-то и кроется очередная загадка. Борис Годунов, из «правителя» России ставший русским царем, как раз и имел все основания к тому, чтобы представить Марию Нагую и ее сына совершенно незаконными, неправильными. А значит, уже с его подачи с документами могли и поработать надежные люди, добавив Грозному лишних жен, дабы Мария и Дмитрий предстали персонами, никаких прав на престол не имеющими...

Ну нет полной ясности, хоть ты тресни! Есть летописи, почти все сочиненные гораздо позже событий, есть заинтересованные лица, вполне способные летописи подправить, есть сказочники, по тем или иным причинам разводившие турысы на колесах... А истина — полное впечатление — безнадежно затерялась в минувших веках.

Грозный, без сомнения, женщин вниманием не обходил. Но вторая половина его жизни отображена настолько туманно, что руки опускаются в попытках отделить правду от сказок. Куда уж дальше, если даже Валишевский, не-

мало потрудившийся для разрушения многих идиотских мифов о Грозном, однажды написал следующее: «Вполне возможно, что даже опричники служили для удовлетворения таких наклонностей и вкусов его страстной и неумеренной природы, которых, по-видимому, не могли ослабить в нем ни старость, ни болезни. Возможно, что этот привычный разврат принимал иногда самые отвратительные и жестокие формы». Уж если такое писал один из самых объективных биографов Грозного, чего можно было ожидать от тех, кто слепо мифам следует, предпочитая их реальности?

Александр Бушков

Глава первая

АНАСТАСИЯ ЗАХАРЬИНА

Иоанн Васильевич, прозванный Иваном Великим и вошедший в историю как Иван IV Грозный, сын великого князя Московского Василия III и Елены Васильевны Глинской, родился 25 августа 1530 года в подмосковном селе Коломенское.

Согласно бытовавшему тогда на Руси закону, великокняжеский престол переходил к старшему сыну, однако Ивану было всего три года, когда его отец очень серьезно заболел. Юрий, брат Ивана, был еще на два года младше, а по-сему ближайшими претендентами на трон стали младшие братья Василия, из которых в живых к тому времени оставались двое: Юрий, князь Дмитровский, родившийся в 1480 году, и Андрей, князь Старицкий и Волоколамский, родившийся в 1490 году.

Предвидя скорую смерть, Василий III сформировал для управления государством специальную боярскую комиссию, которая должна была беречь Ивана, пока он не достигнет совершеннолетия. В опекунский совет вошли князь Андрей Старицкий, князь Михаил Львович Глинский, воеводы братья Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские, боярин Михаил Юрьевич Захарьин и еще несколько человек.

Великий князь Московский Василий III умер 3 декабря 1533 года, а уже через несколько недель бояре избавились от основного претендента на трон — Юрия, князя Дмитровского (он был арестован и умер в 1536 году в темнице, а его удел был присоединен к Московскому княжеству).

Опекунский совет управлял страной меньше года, после чего его власть начала ослабевать. В августе 1534 года произошел ряд перестановок в правящих кругах.

5 августа был арестован князь Михаил Львович Глинский, и он очень скоро умер в тюрьме. В этом же месяце был арестован и еще один член опекунского совета — Михаил Воронцов.

Анализируя события августа 1534 года, историк С. М. Соловьев делает вывод, что «все это было следствием общего негодования вельмож на Елену и ее любимца Оболенского».

Попытка князя Андрея Старицкого в 1537 году захватить власть окончилась неудачей. Елена Глинская, вдова Василия III, велела своему фавориту, князю Ивану Федоровичу Телепневу-Овчина-Оболенскому, схватить его. Князь Андрей бежал в Новгород, но был остановлен и вынужден сдаться. Потом его судили в Москве и бросили в тюрьму вместе со всей семьей. Там он и умер несколько месяцев спустя (11 декабря 1537 года).

А 4 апреля 1538 года скоропостижно умерла и сама Елена Васильевна Глинская, которой было всего тридцать лет.

Таким образом, будущий Иван Грозный, в три года лишившись отца, а в семь — матери, стал полным сиротой. Он неутешно горевал, а рядом, прямо во дворце, не скрываясь, веселились бояре...

— Слава Богу! Прибрал, наконец, проклятую немку...

Конечно же, Елена Васильевна Глинская не была немкой. Она происходила из литовского княжеского рода, предположительно, татарского происхождения, который не имел ничего общего с польским дворянским родом Глинских, существующим и поныне. Впрочем, князь Михаил Львович Глинский, имя которого уже называлось, воспитывался при дворе немецкого императора и принял католичество. При вступлении на престол короля Сигизмунда I Старого он поднял против него восстание (как считается, стремясь создать независимую от польско-литовской короны державу на востоке Украины), а потом, потерпев поражение, бежал в Москву.

Но для русских бояр он так на всю жизнь и остался немцем, равно как немкой для них была и его племянница Елена Глинская. Удивительно, но у русских всегда было так: кто любит порядок и умеет работать — тот немец.

— Старорусских заветов не уважала, немецкие порядки завела. Аль не грех? — костерили покойную бояре.

— Грех, великий грех. И сама, срамница, с князем Иваном Овчина-Оболенским прелюбодейничала...

Юный Иван Васильевич подобные речи слышал и, гневно сжимая кулачки, шипел себе под нос:

— У-у-у, псы шелудивые... Погодите, войду в лета — всем головы поотрубая...

Не прошло и недели после смерти Елены Васильевны Глинской, как бояре — князя Шуйские с советниками — избавились от Оболенского. Он и его сестра Аграфена были схвачены — он умер в заточении от недостатка в пище и тяжести оков, а она была сослана в Каргополь и пострижена в монахини.

Митрополит Московский и всяя Руси Даниил, убежденный сторонник централизованного государства и активный сподвижник Елены Глинской, был немедленно отстранен от управления государством и отправлен в монастырь, где и умер в 1547 году.

Так называемые опекуны вели себя насмешливо и дерзко. Они нещадно разоряли государственную казну и дрались за место у трона. До малолетнего Ивана Васильевича никому не было дела. Всеми забытый и покинутый, он слонялся по дворцу и копил в себе ненависть ко всему, что его окружало.

В августе 1545 года, с наступлением пятнадцатилетия, Иван Васильевич стал считаться совершеннолетним. В XVI веке именно в этом возрасте дворянские дети поступали на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. Иван Васильевич был, конечно, лицом особого рода и мог уже стать полноправным правителем обширной и могущественной державы, однако он оказался малоподготовленным к исполнению этой функции, а окружали его достаточно случайные люди.

Но вот прошло чуть больше года, и 13 декабря 1546 года шестнадцатилетний Иван Васильевич вдруг впервые высказал намерение жениться, но перед этим он заявил, что хочет венчаться на царство «по примеру прародителей».

Некоторые историки полагают, что инициатива принятия царского титула просто не могла исходить от шестнадцатилетнего юноши. Профессор Р. Г. Скрынников, например, пишет: «В действительности инициатива коронации принадлежала не Ивану, а тем людям, которые правили его именем».

Скорее всего, как считается, большую роль в этом сыграл митрополит Московский и всея Руси Макарий, который был возведен на митрополичий престол в 1542 году.

Древняя Византийская империя с ее правителями всегда была образцом для православных стран, однако она пала под ударами неверных. Москва в глазах православных должна была стать наследницей Царьграда — Константинополя. Для того же митрополита Макария торжество самодержавия олицетворяло торжество православной веры, вот он и пострадался.

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский придерживается иной точки зрения, отмечая рано сформировавшееся у Ивана Васильевича стремление к власти. По его мнению, «политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих».

В любом случае идея венчания на царство стала полной неожиданностью для бояр. По словам В. О. Ключевского, будучи еще почти ребенком, Иван Васильевич говорил с боярами «так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями», что они даже «расплакались от умиления, что царь так молод, а уже так много подумал, ни с кем не посоветовавшись, от всех утаившись».

Церемония венчания состоялась 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля. После торжественного богослужения митрополит Макарий возложил на голову Ивана Васильевича шапку Мономаха — символ

царского достоинства. Потом юный царь был помазан миром, а затем получил благословение митрополита.

Считалось, что шапка Мономаха была даром византийского императора Константина IX своему внуку, киевскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, что символизировало преемственность власти русских правителей от византийских императоров. На самом деле такое происхождение шапки-символа крайне сомнительно: император Константин умер в 1055 году, когда Владимиру было всего два года, и вероятность того, что он получит Киев, была минимальной.

Как бы то ни было, сам ли или по инициативе людей, которые правили его именем, но свое совершеннолетие Иван Васильевич ознаменовал тем, что принял титул царя Ивана IV.

Царский титул имел огромное значение. Он, в частности, позволил Ивану Васильевичу занять совершенно иную позицию в дипломатических отношениях с Западной Европой, ведь великокняжеский титул переводился просто как «принц» или даже «великой герцог», титул же «царь» в европейской иерархии стоял наравне с титулом «император».

Да и в глазах самого Ивана Васильевича перемена титула стала важной жизненной вехой. Вспоминая те дни, он писал, что сам взялся строить свое царство, и «по Божьей милости начало было благим». Увенчанный царским

титолом, став Иваном IV, он явился перед своим народом в роли преемника римских кесарей и помазанника Божьего на земле.

После церемонии венчания на царство родня Ивана Васильевича добилась для себя больших привилегий. В частности, бабка царя Анна Якшич (в замужестве Глинская — супруга князя Василия Львовича Глинского и мать Елены Глинской) с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил был объявлен царским конюшим¹, а его брат князь Юрий стал боярином.

Таким образом, коронация Ивана Васильевича, по сути, не положила конец боярскому правлению. На самом деле произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Однако она не стала окончательной, скорее это был калейдоскоп, в котором кратковременный период господства Глинских сменился господством Шуйских, а тех... Впрочем, обо всем по порядку...

Н. М. Карамзин по этому поводу пишет: «Он [Иван Васильевич. — Н. С.] любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления,

¹ Конюший — придворный чин в Русском государстве, начальник конюшенного приказа, ведавшего царской конюшней, дворцовыми экипажами, конюшенными слободами, селами и угодьями, сбором пошлин с московских торговых бань и с купли-продажи лошадей на конских площадках.

а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами: умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от вельмож, ибо не трудился в устройении царства и не знал, что государь истинно независимый есть только государь добродетельный. Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали, что хотели, именем юноши-государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости».

С Глинскими было покончено в 1547 году. Сначала погиб Юрий Васильевич Глинский, сын Анны Якшич-Глинской, а потом и она сама пала жертвой «злоумышленного оговора» в поджоге Москвы.

Дело в том, что в июне 1547 года Москву опустошил страшный пожар. Тогда в пламени погибло около двух тысяч человек и почти все имущество Москвичей. Враги Глинских поспешили воспользоваться этим бедствием для того, чтобы избавиться от них. Ивану Васильевичу донесли, что Москва сгорела не просто так, а по злему умыслу. Царь велел произвести расследование. Для этого Шуйские собрали в Кремль чернь и стали спрашивать: кто зажег Москву?

— Княгиня Анна с детьми, — последовал ответ. — Она волхвовала, вынимала сердца человеческие, да клала их в воду, да тою водою, разъезжая по городу, кропила — оттого Москва и выгорела.

Бред, конечно, полнейший. Но народ в своей массе глуп, и любая власть для черни, по сути, ненавистна. А когда народ глуп, им легко управлять, чем и воспользовались Шуйские, прекрасно понимавшие, что чернь любого готова забросать грязью, ей лишь подбрось для этого повод.

Находившийся при этом Юрий Глинский, видя, что назревает беда, немедленно спрятался в Успенском соборе. Однако разъяренная толпа бросилась вслед за ним, вытащила его из церкви и растерзала.

Писатель А. А. Бушков рассказывает: «После этого началась вакханалия — три дня разгула толпы, который никто из находившихся в Москве бояр и не думал прекращать. Разграбили дом убитого и жилища других Глинских, перебили всех холопов Глинских, какие подвернулись под руку. Сгоряча порешили и нескольких совершенно посторонних людей — “детей боярских из Северной земли”, которых кто-то назвал приближенными Глинского, а разъяренная толпа документов с пропиской проверять не стала».

Сама же Анна Глинская с другим сыном, Михаилом Васильевичем, была в то время во Рже-

ве. Совершенно обезумевшая чернь, не удовлетворенная убийством Юрия, на третий день явилась к царскому дворцу, требуя выдачи бабки царя и ее сына. Люди почему-то думали, что «виновники пожара» были спрятаны в покоях Ивана Васильевича. Но будущий Иван Грозный подобного обращения с собой никогда не любил. В ответ он приказал схватить зачинщиков и немедленно казнить их, а все остальные разбежались по домам. Как отмечает Э. С. Радзинский, «истинный внук Ивана Третьего, он уже понял свой народ: царство без грозы — что конь без узды».

Что в конечном итоге стало с Анной Глинской и ее вторым сыном, точно не известно. Они явно пережили восстание 1547 года, но вот потом следы их потерялись. По одной из версий, бабушка Ивана Грозного умерла примерно в 1553 году, приняв до этого постриг под именем сестры Анисьи.

Что касается Михаила Васильевича Глинского, то он бежал в Литву. Потом он вдруг оказался новгородским наместником и принялся разорять соседнюю Псковскую область, за что его поймали, отобрали все награбленное и отправили в отставку. Вскоре, примерно в 1559 году, его не стало.

После своего венчания на царство Иван Васильевич решил жениться.